УДК 81-11

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

© 2010 Е.А. Маклакова

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 1 декабря 2008 года

Аннотация: *Целью данного исследования является рассмотрение функциональной роли наименований лиц в русском языке с учетом их основных номинативных свойств как индивидуализирующих и характеризующих лексико-фразеологических образований, принимая во внимание их логико-коммуникативную обусловленность, прагматическую направленность, социально-различительный модус, иллокутивное воздействие.*

Ключевые слова: *предмет номинации, функциональное предназначение наименований лиц, номинативная, коммуникативная и побудительная функции, эмоционально-оценочная коннотация, стилистика употребления, социальная детерминированность.*

Abstract: *The aim of this study is to present the functional role of persons' nominations as individualizing and characterizing lexical-phraseological units in the Russian language taking into consideration their logical-communicative condition, pragmatic intention, social-distinctive mode and illocutive influence.*

Key words: *the object of nomination, functional role of persons' nominations, nominative, communicative and hortative functions, emotive-evaluating connotation, stylistics of use, social casual relation.*

Описание семантической структуры наименований лиц является одним из важнейших аспектов в исследовании данного корпуса лексики, что обусловлено их особенностями как номинативных единиц, спецификой их функционирования как языковых знаков. Исследование семантики наименований лиц и их семное описание возможны лишь при выявлении присущей им имманентной предназначенности [1, 181], которая реализуется в речевом процессе.

Нам представляется оправданным сводить функциональную сущность наименований лиц в основном к их способности идентифицировать объекты (лица) реальной действительности и сообщать что-то об этих объектах в их взаимосвязи, т. е. рассматривать наименования лиц в своем основном номинативном предназначении как образования, идентифицирующие и характеризующие предмет номинации.

Однако наименования лиц представлены в речи не только личными (обозначающими человека) словами или словосочетаниями / сложениями с номинирующим лицо компонентом, но и в значительной степени лексико-фразеологическими образованиями и апеллятивными именами, имеющими тропическое выражение значения и отличающимися эмоционально-оценочной коннотацией, стилистикой употребления и социальной детерминированностью.

В зависимости от функции, которая отведена наименованию лица в речи, в значительной степени зависит и его выбор, что расширяет функциональные потенциалы рассматриваемых образований, делает их более емкими. В этой связи представляется логичным подходить к рассмотрению функциональной роли наимено-

© Маклакова Е.А., 2010

ваний лиц не только с учетом их основных номинативных свойств как индивидуализирующе-характеризующих знаков, но и принять во внимание их логико-коммуникативную обусловленность, прагматическую направленность, социально-различительный модус, иллокутивное воздействие.

Поскольку наименованиям лиц свойственно выполнение многих как общеязыковых, так и сугубо ономастических функций, то они по своему предназначению полифункциональны, что позволяет выделить в качестве основных следующие группы функций: номинативную, коммуникативную, идентифицирующую, характеризующую, социально-различительную, побудительную, экспрессивно-оценочную.

Перечисленные функции соответствуют требованиям, предъявляемым к слуховому/зрительному восприятию наименования лица, и состоящим в том, что услышанное/зримое должно быть опознано по родовому/видовому признаку и идентифицировано как индивид, интерпретировано с учетом сопровождающих его предикатов и проанализировано в свете иллокутивного воздействия.

Номинативная и коммуникативная функции. Каждая из этих общеязыковых функций свойственна многим единицам языка, в том числе и исследуемым. Как их сопровождение могут проявляться и все другие функции, свойственные наименованиям лиц. Коммуникативная функция проявляется, прежде всего, в том, что именно наименование лица служит основой сообщения: "*Единомышленник – это не просто хороший актер, который с тобой работает"* [2, 15]. *"Пионер, отличник, футболист и собиратель металлического лома"* [3, 8]. *«Господи́н дире́ктор, я вот хоте́л бы сде́лать кое-каки́е пода́рки для арти́стов»* [4, 23].

О широте проявления номинативной функции свидетельствует то, что, участвуя в процессе наименования, она выражает одновременно характеризующие дифференциальные и интегральные признаки объекта.

Идентифицирующая функция. Родство всех наименований лиц как индивидуализирующих знаков создает достаточно оснований считать функцию идентификации одной из их основных функций. При этом идентифицирующая и характеризующая функции тесно связаны друг с другом. Любое наименование лица как идентифицирующий знак в какой-то мере эксплицитно или имплицитно выполняет и характеризующую функцию.

Наличие в семантической структуре наименования лица не только интегральных, но и дифференциальных признаков позволяет выделить в функциональном плане из общего корпуса наименований лиц русского языка три основные типа номинантов:

наименования лиц с ярко выраженной идентифицирующей функцией (*ректор – проректор, мужчина – женщина, брюнетка – блондинка, пленник – пленница, техасец – туземец, немец – немка, генерал – солдат, контральто – сопрано*);

наименования лиц с преимущественно характеризующей функцией (*важная птица, голова, большая шишка, мелкая сошка, ноль без палочки, фигура, номенклатура*);

наименования лиц, выполняющие как идентифицирующую, так и характеризующую функции (*старичок-боровичок, жеребец, карга, бой-баба, босоножка, переросток, герой, рубаха-парень, щенок, воротила*).

Как правило, из всех названных категорий наименований лиц для идентификации объекта как языковые знаки лучше всего приспособлены наименования лиц с конкретной (тематической) референцией типа: *фараон, феодал, фрейлина, хан, холоп, царевич, царевна, царица, царь, вассал, вельможа*. Соотносясь с конкретным денотатом и выделяя его из социума, они четче всего идентифицируют индивид из разряда ему подобных, тем самым, выполняя свою основную номинативную функцию. Данные примеры характеризуют своих носителей как по принадлежности к классу людей, то есть по родовому признаку, так и по признаку пола – видовому признаку.

Кроме того, семантический объем наименования лица зависит от степени осведомленности участников акта коммуникации о лице – носителе наименования. Такая информация имплицитна, она стоит как бы за наименованием лица, не находя в нем эксплицитного выражения. Однако в той степени, насколько участникам коммуникации известно об именуемом лице, происходит актуализация сем, отражающих сферу этой известности: профессиональные черты, свойство характера и т. д.

"Нереферентные" наименования лиц, которым присуща ярко выраженная характеризующая функция, "функция предиката" [5, 348], менее приспособлены к идентифицирующей функции. В эту семантически неоднородную группу входят качественные и оценочные лексико-фразеологические единицы типа *мохнатая лапа, канцелярская крыса, волк в овечьей шкуре, собака на сене, балаболка, бедняга, счастливчик, бедолага,* основная часть семантического содержания которых указывает не на объективные признаки лица, известные данному языковому сообществу, а на субъективное мнение номинатора о носителе наименования [6, 239].

К данной группе примыкают так называемые наименования лиц "с категорически моральным суждением" [7, 79], такие как *поганец, подлец, подлюга, подонок, скотина, стерва*. В.Н. Телия

относит нереферентные наименования лиц к категории безобразных значений, включающих в себя только рациональную оценку. Их примета – невозможность употребления в позиции идентификации без специальных средств, актуализирующих референцию [8, 126]. В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, на другом имена качественные, приспособленные к продуцированию. Между ними расположены другие номинации, "... пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикативной роли"[5, 63].

Характеризующая функция. Наряду с идентифицирующей, другой основной функцией исследуемых образований является характеризующая функция. Наиболее приспособленными для выполнения последней являются наименования лиц, сгруппированные по характерным качествам, по уровню интеллектуальных способностей, по уровню профессиональной подготовки, по внешнему виду и физическим особенностям, по интересам и склонности к какому-либо виду деятельности: *тихоня, тормоз, трутень, дока, профи, мастер, талант, тумба, гном, пигалица, крепыш, фанат, аскет, собачник, коллекционер, книгочей.*

Можно сказать, что для выполнения этой функции в исследуемом корпусе русского языка сформировалась категория признаковых словоформ и словосочетаний, рамки которой значительно шире любой из выявленных групп. При этом признаковость выражается с помощью широкого спектра знаменательных и служебных слов, употребляемых в прямом и переносном значениях, манифестируемых отдельными лексемами и аналитическими конструкциями, атрибутивность которых реализуется различными средствами.

Характеризующая функция ярко проявляется в предложных образованиях. С их помощью лицу приписываются какие-либо черты или сообщается о его происхождении, месте жительства, социальном статусе: *Был конь да изъездился. Мал золотник да дорог. Большому кораблю – большое плавание. Сокол с места, а ворона на место. Попала ворона в царские хоромы.* Семантически близки к ним генитивные конструкции: *олух царя небесного, ума палата, мастер кислых щей, покоритель сердец, слуга двух господ, кладезь премудрости, пуп земли.*

Особенно рельефно функция характеристики проявляется в номинациях оценочно-характеризующего типа, образованных на основе антономазии: *злой гений, кощей, золушка, голиаф, донжуан, нечистый.*

По-особому выполняют характеризующую функцию образования, в семантической структуре которых выявляются негативные инклюзивные семы, которые согласно типологии сем [9, 125] отрицают наличие отдельных конкретных признаков у лица и выполняют дифференциальные функции в системе языка, отграничивая значение от других значений определенного тематического ряда: *ни сват ни брат; ни бум-бум; ни богу свечка, ни черту кочерга; Федот да не тот; ни рыба, ни мясо; ни кожи, ни рожи; губа не дура; хороша Маша, да не наша; ни пава, ни ворона.*

Наименования с грубым значением предназначены прежде всего для употребления в функции инвективы, оскорбления. Под оскорблением понимается общая отрицательная оценка личности в неприличной форме, на основе приписывания индивиду определенного порока, унижающего честь и достоинство именуемого [10, 281].

Социально-различительная функция наименований лиц. С номинативной природой наименований лиц тесно связана их социальная детерминированность. Анализ имеющихся в нашем корпусе примеров наименований лиц достаточно убедительно свидетельствует о том, что их языковое оформление зависит в значительной степени от социальной среды их функционирования: *президент, премьер, префект, проконсул, сенатор, клерк, советник, спикер* (официально-деловое); *подзащитный, понятой, подозреваемый, подсудимый, сообщник, соучастник* (юридическое); *чувак, совок, герла, бикса, динамистка, бичевка, фраер* (жаргонное). Для каждого социума типичны свои ценности, которые находят соответствующее отражение в речевом поведении их представителей, в специфике их социолекта.

Это позволяет говорить о социально-различительной функции исследуемых образований (функции стратификации), позволяющей дифференцировать их носителей согласно их социальному и общественному положению. Настоящим постулируется, таким образом, что люди, находясь в различных социальных условиях (семья, место работы, общественная организация и т. д.), могут именоваться по-разному, а каждый социолект привносит в номинацию свои специфические черты: *силач, амбал, детина, здоровяк, бык, бугай, супермен, молодец, геркулес, атлант, атлет / малый, салага, сопляк, хлопец, парень, юноша, молодой человек, молодо-зелено / дед, старейшина, старик, патриарх, аксакал, ветеран, старый хрыч, старпёр.*

Особенно рельефно социальная обусловленность исследуемых образований проявляется при анализе наименований лиц, относящихся к ярко выраженным социальным группам, к которым можно отнести, например, представителей, различающихся по принадлежности к своей профессиональной деятельности, по имущественно-

правовым отношениям, по отношению к законопорядку и должностным обязанностям, по положению в церковной иерархии: *священник, священнослужитель, семинарист, служка, старец, настоятель, отшельник, пастор, христианин, католик, мусульманин, буддист, волхв / учредитель, провайдер, инвестор, налогоплательщик, казначей, маклер, меняла, попечитель, банкрот, пайщик, монополист, акционер, брокер, дилер / замполит, шифровальщик, зенитчик, интендант, кавалерист, штабист, разведчик, диверсант, маскировщик, наводчик, автоматчик*.

Социально-различительная функция исследуемых образований проявляется также в наименованиях лиц, употребляемых в семейном кругу или людьми, находящимися в близких отношениях и хорошо знающих друг друга. Они в своем подавляющем большинстве представлены такими формами, как: *отец, тятька, тятя, папа, папаня, папаша, папенька, папочка, папуля, батька, батюшка, батя / мать, мама, маманя, мамаша, маменька, мамка, мамочка, мамуля, матерь, матушка, мамонька, мамулька, маманька, мамуня, мамуся, мамуша, мамысь, мамыса, маман, ма / бабуля, бабуся, бабушка, бабуленька, бабулька, бабусенька, бабенька, бабуня, бабка / душечка, лапочка, голуба, голубушка, голубчик, хахаль, спутник, спутница, пассия, милочка, милый, любушка, дружище*.

Признаком, позволяющим относить наименования лиц к тому или иному социолекту, могут быть также фонетические особенности, присущие отдельным регионам, и их территориальные диалекты: *кизюля (беременная женщина), кисейница (щеголиха), гаркунья (крикливая женщина), подружница (любовница), праворучница (справа от невесты), слябунья (сластёна), старшуха (старшая дочь), старчиха (нищенка), чабанка (женщина легкого поведения), юровиха (резвая девушка), достойница (искусная мастерица), гумбола (болтунья), слизгуха (девочка, скользящая по льду), снафида (безобразно разодетая щеголиха)*.

Побудительная функция. Наименования лиц – это речевые знаки, которые обладают не только локутивным (связанным с произнесением) воздействием, но и некоей иллокутивной силой, способной воздействовать на участников коммуникативного процесса и, в свете постулатов теории речевых актов, достигать определенного перлокутивного эффекта, обусловленного его последствиями [11, 88]. Это обусловлено тем, что выбор номинатором определенного варианта наименования в значительной мере зависит от его личных эмпатий и интенций, его желания оказать вполне определенное воздействие на объект наименования. Ведь когда адресант говорит: *Ты что, совсем, что ли дурак?* – он хочет этим сказать: *Не будь дураком!* – что достаточно рельефно манифестирует иллокутивность номинации – порицаемость поведения и необходимость исправления.

Воздействие на человека представляет собой комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения, которое происходит, как известно, на культурологическом, социальном и психологическом уровнях [10, 130]. Речевое воздействие в психологическом плане состоит в том, говорящий кодирует желаемые изменения в сознании реципиента в виде языкового сообщения. Реципиент, воспринимая данное сообщение, декодирует его и “извлекает” из него скрытую за внешним планом (планом значения) глубинную информацию, которая обусловливает реальное или потенциальное изменение его деятельности [12, 171].

Иллокутивное воздействие рассматриваемых наименований лиц обусловливается содержащимися в их семных структурах специфическими речевыми индуцирующими компонентами, которым свойственны различные критерии измерения. Так, используя слова: *старик, маэстро, мэтр,* применительно к молодому человеку, отличающемуся мудростью, присущей старцу, номинатор имплицитно вкладывает в него директивное указание: *Молодец! Так держать!* И, наоборот, иную директивную направленность содержат наименования лиц: *старая лисица, трепач, лгун, хитрец, враль,* – которую можно свести к формуле: *Хватит хитрить! Не все уж так глупы, чтобы этому верить*. Наименование некого лица *деспотом, диктатором, тираном, самодуром* содержат в своей внутренней форме однозначное осуждение авторитарного метода руководства данного лица.

Нередко признак, отражающий качественный образ лица, представляется гиперболически: ведь человек, о котором сказали *кожа да кости,* не настолько худ, чтобы представить его состоящим только из вышеназванных структурных компонентов организма, а высокий юноша не может достичь роста версты, хотя его и наименовали *коломенская верста,* также трудно согласится, что лицо, о котором говорят *круглый ноль,* не имеет совсем никаких достоинств.

Таким образом, важной особенностью наименований лиц в функциональном плане является наличие в их семной структуре компонента, способного сигнализировать о чем-то и что-то стимулировать, компонента иллокутивного характера, воздействующего на участников коммуникации.

Экспрессивно-оценочная функция. Следует подчеркнуть также роль и значение эмоциональных и оценочных факторов в семантической структуре наименований лиц, способных индуцировать широкий спектр самых разнообразных

чувств и оценок: одобрение, неодобрение, уважение, презрение, восхищение, негодование, раздражение, сочувствие, иронию, уничижение и т. д. Все это формирует эмотивное функциональное поле, имеющее систему языковых средств выражения, что позволяет описывать наименования лиц, выполняющих экспрессивно-оценочную функцию, на семном уровне.

За эмоционально-оценочными структурными компонентами значения "скрыты" коннотации, передающие отношение номинатора к обозначаемой действительности – номинируемому лицу [8, 174], которое может быть выражено двумя способами: как мнение в форме рациональной оценки и как эмоциональное восприятие в форме эмоциональных чувств.

При манифестации семантической структуры образований могут эксплицироваться две оценки (денотативная и коннотативная), при этом добавляя эмоцию. Во многих наименованиях лиц коннотативная окраска является не чем-то внешним по отношению к слову, она согласуется с денотативной оценкой и выявляется в структуре значения наряду с его предметно-логическим содержанием [13, 57]: *солдафон* (грубый, ограниченный, некультурный человек, обычно из военных) – денотативная оценка «плохо»; коннотативная оценка «неодобрительное»; эмоциональный компонент «презрительное»; *герой* (совершил подвиг, проявил личное мужество, готовность к самопожертвованию) – денотативная оценка «хорошо»; коннотативная оценка «одобрительное»; эмоциональный компонент «положительно-эмоциональное»; *склочница* (женщина, склонная к склокам) – денотативная оценка «плохо»; коннотативная оценка «неодобрительное»; эмоциональный компонент «презрительное».

В исследуемых образованиях имплицитно присутствуют различные модусы субъективной валентности – явление "субъективации модуса" [5, 420], что отражает точку зрения и миропонимание номинатора: *я рад; мне жаль; я солидарен; мне противно, плохо, хорошо* и т. д. Иногда под влиянием предубеждений, настроений и эмоций человек видит то, что хочет видеть, и вовсе не видит того, чего не желает замечать. Таким образованиям свойственен модус предположительности: *шляпа* (о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке) – денотативная оценка «плохо»; коннотативная – «неодобрительное»; эмоциональный компонент «пренебрежительное»; *кукла* (о бездушном и пустом человеке, чаще женщине) – денотативная оценка «плохо»; коннотативная – «неодобрительное»; эмоциональный компонент «отрицательно-эмоциональное».

Сложение и взаимодействие эмотивного и рационального порождает "суммарный" эффект, именуемый "экспрессивностью" [8, 122], которая в словоупотреблении исследуемых единиц русского языка создается различными языковыми средствами: фонетическими, морфологическими, лексическими, стилистическими.

Высокая лексическая экспрессивность достигается нередко путем антропонимизации апеллятивов, в частности, артефактов: *робот* (о человеке, действующем бессознательно, подчиняясь чужой воле), *ходячий справочник* (о том, кто много знает), *пила* (о сварливом человеке, донимающем кого-либо попрёками, придирками, колкими замечаниями), *ветряная мельница* (пустой, легкомысленный человек).

Экспрессивность наименований лиц обеспечивается зачастую их образностью. Наиболее частотны среди всех разновидностей образного употребления слов, объединяющих различные переносные наименования лиц под общим термином тропы, – метафора и метонимия: *чучело гороховое, старая вешалка, старый хрен, выжатый лимон, дырявая голова, толоконный лоб, голова садовая, чертова перечница, двадцать два несчастья, круглый сирота, седьмая вода на киселе, широкая натура, луженая глотка*. В качестве символов для формирования экспрессивности широко используются имена известных личностей, мифологических и литературных персонажей, образов из народных сказок, артистов кино и телевидения, среди них: *служитель Фемиды, буриданов осел, скупой рыцарь, премудрый пескарь, валаамова ослица, летучий голландец, Аника-воин, сиамские близнецы, два Аякса, халиф на час*.

В заключение еще раз подчеркнем, что функции наименований лиц – явление достаточно многоплановое. Они обусловлены различными факторами: особенностями как номинативных знаков разных сфер общения, своеобразием плана выражения и субъективно-модальной коннотативностью, возможностями психологического (иллокутивного) воздействия на участников коммуникативного акта, социальной детерминированностью, экспрессивностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М., 1998. – 768 с.

2. Розов В. Режиссер, которого я люблю / В. Розов. – М., 1990. – 203 с.

3. Довлатов С. Наши / С. Довлатов. – М., 1983. – 254 с.

4. Кио И.Э.. Иллюзии без иллюзий И.Э. Кио. – М., 1995. – 341 с.

5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1998. – 896 с.

6. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация? / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика : Проблемы референции.– М., 1982. – Вып. XIII. – С. 237-262.

7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; перевод с англ. ; отв. ред. М.А. Кронгауз. – М., 1977. – 416 с.

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.

9. Стернин И.А. Лингвистичекое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

10. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М., 2002. – 333 с.

11. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22-129.

12. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : Курс лекций / В.В. Красных. – М., 2001. – 270 с.

13. Шестопалова Л.С. Эмоционально-оценочный компонент значений и их функционально-стилевое распределение / Л.С. Шестопалова // Вопросы германской филологии. – Новосибирск, 1982. – С. 57-67.

Маклакова Е.А.
Воронежская государственная лесотехническая академия.
Доцент кафедры иностранных языков.
e-mail: elena.maklakova5@ mail.ru

Maklakova E.A.
Voronezh state forestry engineering academy
Reader at the foreign languages department.